

Обертон одиночества / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Обертон одиночества / рассказ ОБЕРТОН ОДИНОЧЕСТВА

Моим снам, которые красивее жизни...

Мне всегда с трудом дается начало. Поэтому решила ничего не начинать. Вообще. Ровно год, как я ни одного слова не написала, три месяца обесцвечивала тексты, как обесцвечивала свои волосы, ночами не смыкала глаз. Ровно год назад поняла, что все начинается с конца. Мы расстались. Так бывает. Так бывает, когда конец кажется обнадеживающим, потом понимаешь, что жизнь — дерьмо, просто, будучи в браке, мечтаешь почувствовать истинную свободу. Хлоп. Под звук захлопнувшейся двери вылетаешь наружу и оказываешься в еще более большем дерьме, и только тогда понимаешь, что на самом деле в ту пору на плече у тебя был всего-то птичий помет, а слово «свобода» было неким кодом для безумных, не нашедших своего места в этой жизни. Отныне и твоим.

Так или иначе, с точки зрения концептуализма — это весьма интересный опыт. Есть «Дерьмо художника», будет и дерьмо писателя. Писатели в этом деле могут одержать верх. Есть чашечка горького кофе, полшоколадки, снятая однушка, интернет, одиночество, одиночество, одиночество... И есть этот гигантский жужжащий город: огромный, как рой шмелей, бойкий, разрастающийся, распространяющий шум. И есть я. Не стану вдаваться в подробности: какими бывают брошенные разведёнки, разочаровавшиеся в мужчинах и подозревающие врагов во всех остальных женщинах. Те, кого сменили на других женщин. Все начинается со слов: «подонок», «пошел вон», затем: «прошу тебя», «не оставляй меня», «не уходи»... Хлоп, и один из вас сдает ключи. Я предпочла уйти сама. Уйти из дома, убежать из маленького городка, отдалиться от родных улиц, неисчислимых глаз. Только не смогла убежать от этих двоих. Одна — моя бабка, она умерла несколько лет назад. Но в действительности,

моя рыжая бабка продирается сквозь мои сны цвета корицы и всякий раз, когда я пытаюсь познакомиться с мужчиной, она появляется и попросту втискивается между нами, причиняя своими тяжёлыми густыми волосами боль моему лицу и окутывая мою голову в рыжекудрый туман. Она поглядывает кошачьим пристальным взглядом, от ее чудовищного смеха болят уши, угасает страсть. Да какая там страсть, я от ужаса пускаюсь наутек и убегаю, убегаю всё дальше и дальше назад, бегу, пока у подъезда своего дома не увижу ту, другую. Да, вот она, та самая. В зеленом платице с крепко пришитыми разноцветными пуговицами, с круглыми глазами, бессмысленной полукруглой улыбкой – округлая девчонка. Она так невинно смотрит на меня каждый раз, что я почти сдаюсь, едва не обняв и не расплакавшись над ней. Вместо этого, не мешкая, несусь к лифту, нажимаю на кнопку, дрожащей рукой вставляю ключ в замочную скважину, и вхожу, вхожу, вхожу... Она тоже входит, встает в угол, улыбается своей широченной нелепой улыбкой, словно спутанная нитями времени, кем-то забытая на чердаке кукла. Меж тем я достаю из шкафа красное вино, широко открываю пасть ноутбука и, глубоко выдохнув, вдыхаю жизнь в глотку темного монитора. Я люблю ночь. Это единственный отрезок времени, когда, принимая горячий душ, можно смыть с кожи, с волос гул дня, обиду дня, потерю дня. И потом уже, хмелея от холодного вина, не смотреть в сторону девчонки, не терзаться мыслями, а писать, писать, писать с надеждой, что это когда-нибудь опубликуют, что педантичный корректор не затеет войну из-за точек и запятых, что свидания не улетят вместе с грачами, что наледь чужого города пощадит твою душу. Но девчонка в зеленом продолжает стоять в той же позе с той же улыбкой, и с каждой моей неудачей эта улыбка становится все более и более широкой...

Этот город я выбрала из-за его масштабов, считая по наивности, что чем больше пространства, тем больше солнца, а значит, больше возможностей найти свое место под этим солнцем. Но, оказалось, что здесь практически все серого цвета. От этого иногда создаётся впечатление, что вместо неба над головой

растянули дымчатую ткань, специально для того, чтобы люди забыли о солнце, чтобы наконец-то заткнулись, мало радовались и много работали, мало пили и много работали, мало любили и много работали. Просто – работали, и все.

Мысленно требую, чтобы в каждом районе, на каждой остановке вывесили искусственное солнце, и пока я предъявляю свои претензии, ноги сами по себе плетутся в сторону «Макдональдса». Мой обед – маленькая порция фри и стаканчик клубничного коктейля. Это страшнее самого страшного проклятия, но даже здесь, в очереди, затерявшись среди десятков чужаков и пребывая в желудочных пробках, успеваю записывать фразы для своей будущей книги. Это единственное, что я успеваю. И делаю это не от большой любви к литературе. Я пишу из желания показать, насколько брезгливо отношусь к литературе, как мне отвратительны слова, буквы, пятидесятирублевые блокноты, которые нужно исписывать изо всех сил, не оставляя свободного места на тот самый случай, если в рыжем облаке волос снова объявится бабка: пусть пресытится до дрожи и уйдёт, сбежит, отстанет от меня. Когда мне было лет семь–восемь, она сильно щипала мою руку и, надрыв за уши, кричала:

– Никчемное жирное ничтожество, ты любишь себя? Смотри в зеркало и говори мне правду. Что значит – ты себя любишь, бесстыжее, неблагодарное убожество?! Ты книги должна любить! Понимаешь?! Нет, кажется, ты не очень-то вникаешь! Сегодня ты останешься голодной и будешь питаться литературой. В этом твое спасение. Это – твоя пища. Это – твоя жизнь.

Моя жизнь сложилась странно. Несмотря на сопротивление, я всё же не смогла отстраниться от книг, а напротив – сочла это жизненным уроком. Такому не научат ни в каких литературных школах и не объяснят ни на каких мастер-классах. Я не воспринимаю духи, потому что моя кожа навсегда пропиталась запахом библиотеки, располагавшейся в цокольном этаже одного из зданий нашего городка. И даже когда мой муж поближе подходил ко мне, пытаясь приласкать, он чувствовал этот странный книжный запах и отстранялся. А во время секса он советовал мне читать книгу вместо проявлений любовной страсти: во всяком случае, пока он трудится, хотя бы сможет быть

уверенным, что я не просто так лежу и тупо пялюсь в потолок.

Помимо писательства, я работала дизайнером в одном издательстве: с девяти утра до девяти вечера придумывала обложки для книг классиков и современников. Без гражданства меня не оформили официально, но платили за работу «на удаленке». Наверное, так лучше. Эта работа позволяла оплачивать квартиру, коммунальные услуги и интернет, вбирать в себя причитающуюся за день порцию фри и коктейля, покупать вино, иногда всовывать несколько банкнот в пасть мыши-копилки из «Fix Price». Видавшие виды писатели, печатавшие книги в нашем издательстве, частенько обращались с просьбой найти переводчиков, чтобы перевести их тексты на разные языки мира, за это они готовы были платить немалые деньги. Сдающий в аренду квартиру в центре города, флиртующий с текстом графоман мог себе позволить такую роскошь. Так я начала переводить их опусы на мой родной язык. Каждый понедельник я настраивалась начать новую жизнь, но неделя заканчивалась переводом произведений очередного борзописца.

Я переехала в этот город всего-то несколько месяцев назад, но за это время успела трижды сменить жильё. При мне были пара теплых, доходящих до горла свитеров, ноутбук, кактус, «Тропик Рака» и стопки писем от моей матери. Ребенком я украдкой брала их у бабки, молниеносно меняла письмо в конверте, вложив туда другую бумагу, а мамино письмо прятала в разорванном брюхе плюшевого медвежонка. Бабка никогда не читала маминых писем. Ей достаточно было взять письмо в руки и увидеть, от кого оно, затем, вскрыв конверт, она убеждалась в своей правоте, и письмо быстро возвращалось в конверт, конверт оставлялся в кресле. А бабка тут же уходила в огород, брала лопату и валила на бок куст роз, или топором рубила ветки абрикосового дерева, или швыряла камнями в черношерстных кошек. Тем временем, успев заменить содержимое конверта, я рыдала навзрыд, пытаясь книгой прикрыть лицо. Некоторое время спустя, под торжествующий бабкин хохот, обитающие в печке языки пламени сжигали голое тело пустой бумаги.

Моя мать сбежала от своей матери и, боясь предстать перед ней, просила разрешить ей либо приехать забрать меня, либо хоть иногда навещать. Понятное дело, что об этом не могло быть и речи! А потому бабка сняла с книжных полок всю фантастику, пригрозив мне восьмилетней:

– Жирное ничтожество, неделю начнешь с Карениной и поймешь, как подымают блудницы. А кто осмелится воспротивиться мне в этом доме, тот тоже сдохнет, слышишь?

Я слышу звуки. Звуки – это единственное, что я могу выхватить, спрятать, влить, впрыснуть в себя. Туду-туду, туду-туду, я – осиротевшая, я – заблудшая в поездах, потерявшая свой вагон, туду-туду, я вхожу в чрево метро. Это единственная часть города, которая, распахнув объятия, принимает меня. Это глубокий портал в бесконечность, где страх над смертью педальруется музыкой Вивальди. Те, кто находит «выход в город», более уверены в себе, видимо, это те самые переселяющиеся в рай счастливы, поместившиеся в узкую ладонь эскалаторов. А вот это поистине чистилище. Чистилище метро – это неисчислимы переходы, куда мы входим, не оглядываясь, меняя разноцветные линии, и разматывая клубки города, чтобы побыстрее дойти до наших вагонов. Я не боюсь поездов и, теоретически, не боюсь смерти, но прихожу в ужас от мысли, что могу умереть здесь и сейчас: в тесной капсуле вагона, с незнакомыми людьми. У парня, сидящего напротив, шнурки кедров развязываются, извиваясь, ползут к двери. Стоящая там женщина плотно прижалась к плоским губам вагонных дверей, пытаюсь в овальном стеклопакете моментально уловить кадры своей измученной жизни. Отражения в вагонных окнах – это искаженные лица, время года внутри вагона – тоска, цель – не пропустить свою станцию. Это важнее всего. Черт подери, я не хочу выходить из метро, не хочу снова видеть длинношею здания, не хочу казаться маленькой желтенькой родинкой на лице морщинистого города.

В полночь вино кажется более ароматным, бабка – более безобразной, девчонка в зеленом – более тяжеловесной. Работа длиною в ночь представляется нескончаемой. Чернила спрятаны в

клавиши, моя жизнь копошится в скважинах глаз этих двоих, в горле моем – дым. Все созданные мною обложки одинаковы. На них двери, окна, вагоны, рельсы, колеса, колеса... Вчера издатель сделал мне замечание, сказав, что мои мысли повторяются, что они скудны, он не понял, что я всего лишь спасаю. Пытаюсь спасти, вытащить писателей за прямоугольные рамки. Однажды, когда-нибудь, они поймут и поблагодарят. Возможно...

– Ты, жирное ничтожество, сейчас я отравлюсь щавелевой кислотой: выпью всю отраву и оставлю тебя одну-одинешеньку. Смотри, смотри и ной, цуцик! Будешь знать, как не слушаться бедную бабушку, в такой мороз выходить из дому без шарфа, играть в снежки. Если простудишься, кто будет ходить за хлебом, кто принесет мне чай с молоком? Да не смотри на меня своими стеклянными глазенками! Положила бы их в карман! Аккурат как мать, тьфу! Если тебя и возьмут в жены, то вышвырнут через неделю на мою бедную старую голову. Ох, за что мне такое горе!..

От неожиданного звонка в дверь я вскочила на ноги с десятикратной головной болью. От страха одиночества и недосыпания нервы сдали. Не представляя, кто бы мог прийти ко мне в такой поздний час, открыла дверь. Мужчина плотного сложения, лет на пять-шесть старше меня попросил разрешения войти, уверяя, что должен мне сказать что-то важное. Мои страхи улетучились. Я егопустила. Он вошел в гостиную.

– Наверное, много курите? Потом про наших баб скажут... Наши-то хотя бы дома не курят. Дома воздух должен быть чистым. Матушка всегда так говорила, царствие ей небесное. Хотите, пойдите, умойтесь, я подожду, а то сегодня как-то не нравитесь вы мне.

– Я никогда никому не нравлюсь, и день тут не при чем. Что-нибудь еще?

Мужчина опешил, видимо мое равнодушие и спокойствие удивили его.

– Я ваш сосед и близкий друг хозяина вашей квартиры. Он говорил, вы рисуете.

– Пишу.

– Ну да, блин, точно! А я специалист по лифтам. Разбираю,

чиню, все что угодно умею.

— Отлично...

— Ага. Я тоже одинок. Знаете ли, женщины очень похожи на лифты. Понимаете о чем я?

— Понимаю.

— Помимо работы, я рисую. Не поверите, но у меня талант. Правда, ребята с работы не понимают меня, но помяните мои слова, однажды искусство рассчитается со мной.

— Верю, верю. Считайте, что уже рассчиталось. Вино будете?

Слова вырвались сами.

В эту ночь я откупорила резервную бутылку, предназначенную для особого случая. Так бывает. Так бывает часто. Рифмы и мужчины появляются нежданно-негаданно. Приходят без предупреждения, без приглашения, а ты даешь, даешь, даешь... В ответ они уносят, уносят, уносят...

...Его глаза были черны и глубоки, как ночь. Был он среднего роста, мускулистый. Особенно привлекла легкость его характера и улыбка, которая будто жила своей отдельной жизнью. С Русланом мы долго беседовали об искусстве и не только. В свое время он окончил одно из лучших художественных училищ города, затем, после долгих депрессий, решил окунуться в совершенно новую сферу. Кажется, это ему удалось. Удалось и наше знакомство. Густая виноградная кровь наполняла наши бокалы, меня переполняли его, мои, ночные звуки. Бабушкины рыжие всклокоченные волосы царапали поле моего зрения, а над изголовьем дивана распространялся зеленый плач. Хотелось отвлечь внимание, чтобы не видеть и не слышать их. Я полностью приняла его в себя, укутала словами, взад-вперед, вверх и вниз качала свое прошлое и настоящее, любви и потери, то изливаясь, то наполняясь сызнова, анестезируя свою беспомощность, но боль была чересчур сильной. Вскрикнула. Руслан удовлетворенно улыбнулся мне, но это была всего лишь жгучая пощечина от моей бабки. Я тотчас вонзила ногти в его спину, а после, подобно наказанному растерянному ребенку, прижалась к нему всем телом и сразу же заснула.

Я так и не смогла простить свою мать, хотя, повзрослев, все-таки выяснила ее адрес, узнала, что она не смогла устроить свою личную жизнь, что живет одна, и кроме пуделя у нее никого на свете нет. Я долго думала, стоит ли сходить к ней, но моя жизнь, напоминающая старое проржавевшее тридцатилетнее колесо, принесла так много разочарований, что я поняла – хватит с меня. И попросила больше никогда не передавать никаких вестей от женщины, приходящейся мне биологической матерью, женщины, из-за которой я превратилась в сироту, и меня, словно копченую рыбу, завернули в газетную бумагу. В день похорон бабки я открыла вино, всю ночь пила, пытаюсь рассолом собственных слез очистить свое тело и навсегда проститься с бабушкой, с мамой и отцом, со всеми, кто меня оставил одну, словно забытую, запылившуюся книгу. С той поры началась моя свободная жизнь, отмеченная неудачным замужеством, моим путешествием внутрь себя.

Метро – это вселенная во вселенной, дом для бездомных, бесконечность для пеших, место встречи для влюбленных. Здесь люди текут нескончаемым потоком, и я вместе с ними. Я пропускаю сквозь себя их неисчислимы взгляды, краду их губы, брови, мысли, любви, любви, любви тоже краду. Я хочу когда-нибудь суметь написать так, как смогли Миллер и Буковски, хочу тем же смачным плевком с самого высокого балкона отхаркнуть боль человечества, подобно Ван Гогу сбежать в себя, чтобы найти свои светила, свою нежность, чтобы суметь обнять собственную покинутость, серость уходящей любви сменить на желтый. Но вместо этого я опустошаю карманы звяканьем монет перед чахлым музыкантом, почти затерявшимся среди окаменелых лиц на Площади революции.

Руслан навещался два-три раза в неделю. Задерживали зарплату, и он появлялся тогда, когда голод позволял постучаться ко мне. Бабка начинала смеяться своим чудовищным смехом, даже когда мы гасили свет. Девчонка срывала пуговицы со своего платья и швыряла их на пол. Это была война голода и бесстрашия, борьбы и страсти.

Работа сильно утомляла, но я продолжала оставлять на переплетах книг свои следы: окна, рельсы и двери. Я везде и всюду искала двери и окна, искала выходы с изнанки времени, но жизнь иногда применяет модели дизайнерских компьютерных программ. Вначале все чисто да бело. И только в обозначенной для монтажа области ты становишься всемогущим, но и то лишь на первый взгляд – до тех пор, пока слои окончательно не наложены друг на друга, цвет не очищен и не выбран подходящий шрифт... Невыносимая жизнь. Невыносимая любовь. Невыносимые следы.

Очень скоро меня лишили работы, не рассчитавшись при увольнении. Хлоп. Дверь закрылась. Я опять за дверь. Ровно три ночи, я не могла уснуть. Затягивалась сигаретным дымом, пила вино. Мое одиночество повторялось, выходило наружу, стекало с каждой строки, с каждого абзаца, каждая точка чувствовала сиротство, а запятые –отчаяние, я же играла на клавишах, сочиняя самую желтую в мире мелодию. Экран моего ноутбука постепенно заполнялся желтыми гаммами.

Бабка говорила:

– Любовью прикрывают свою беспомощность, это противная затея, фу! Молодость и секс убегают рука об руку, а человеку остаются лишь кости.

Так, однажды она достала из моей сумки Маркеса, Миллера и Буковски. Повела моих любимых на костёр. Она бездушно, с упоением сжигала их, пока ветер трепал ее огненные волосы. Я еле встала с постели, взяла мышку-копилку и изо всех сил ударила о стол...

Через два дня Руслан был на моей кухне. Я его накормила, напоила и отвела в гостиную. Он онемел. Его радостная свободолобивая улыбка наконец-то уложилась на место. Бабка и девчонка выглядывали со всех сторон. Везде стояли зеркала. Пустые, серые, готовые втянуть в себя все что угодно. Наши тела соединились и оказались повсюду. Это был самый красивый калейдоскоп, который мне доводилось видеть в своей жизни. Долгий монолог зеркал и эмоций. Безумный акт прощания. Я – разбившееся вдребезги зеркало, разрешила ему, подобно факиру,

пройтись по осколкам. И он искусно исполнил доставшуюся ему роль. Наша комната пропитывалась красным и белым, а в зеркалах, тем временем, в ужасе застывали те двое. Я впервые за долгие годы была более чем нагой, невероятно жизнелюбивой и чрезмерно одинокой.

Туду-туду, туду-туду...

Мне больше нечего было дать Руслану. Мой лифт был починен, еда кончилась, пир завершился. Несколько дней спустя я увидела его с новой пассией. Все было предсказуемо и безболезненно. Счета сведены. Нужно было искать новый вагон, рисовать новые двери и придумывать новые светильники на незнакомых станциях. Туду-туду. Я затушила в прозрачной пепельнице последнюю сигарету. Сжалась в комок. Уходящим легко. Оставаться всегда трудно. Особенно после пиршеств. Тяжело считать в зеркалах свои отражения и примиряться с ними. Звуки вернулись. Неожиданно для себя швырнула пепельницу о стену. Это был звук гнева. Одно из зеркал разбилось. Ветер поднял шторы. Рыжая и зеленая стали чертить круг. Я была внутри круга. Стоять было утомительно, и я легла в центре... Раздвинула ноги. Оттуда стали выходить вагоны: длинные, стремительные, с извилистыми движениями. Они двигались по кругу. Они гремели, словно гремучие змеи, они были большие и нескончаемые. Внезапно мои волосы стали огненно-рыжими, на мне оказался камуфляжный купальник. Успев ухватиться за горлышко бутылки, я бросилась бежать, бежать, бежать...

Я вышла в самой знаменитой части города, из самого желтого фонтана. Мокрая и свежая. Я была тут, рядом с шестнадцатью бронзовыми девами, в самом их центре. В моих руках не было ни пшена, ни винограда, ни цветка. Это была всего лишь выпитая бутылка вина, которой больше не о чем было сказать...

Об авторе: САТИ ОВАКИМЯН

Родилась в 1988 г. в Ереване. Автор книг «Полу-Остров» и «Созвездие эмигранта». Печаталась в журналах: «Дружба

Народов», «День и Ночь», «Тула», «9 Муз», на портале «Текстура». Участник 18 форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (фонд СЭИП), участник длинного списка премии им. И. Анненского, лауреат IV Общеармянского конкурса рассказов «Абрикосовая косточка», дипломант XI Международного Славянского Литературного Форума «Золотой Витязь». Neкаýalar